

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЬЕСЫ
ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Евгений Александрович Попов

Колыбельные пьесы для чтения

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28536685*

Аннотация

«Колыбельные пьесы для чтения» Евгения Попова имеют все признаки литературно-театрального действия, не столько убаюкивающего, сколько располагающего к размышлениям, а умение писателя раздвигать рамки обыденности создаёт праздничную атмосферу живого разговора с читателем и зрителем.

Текст публикуется в авторской редакции.

Содержание

Треугольник	4
Ночь	6
Мумия	8
Трамвайные разговоры	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Попов

Колыбельные

пьесы для чтения

Треугольник

– Дайте мне полкило демократии, триста граммов избирательного права и кило либерализма, в обмен на три кг социализма и два кг льгот.

А на гарнир, пожалуйста, сто граммов измены. А вот глупости... Нет, глупости не надо. Глупость сама влезет. Или следом придёт.

Женщина застыла в немом изумлении. Стоявший рядом мужчина средних лет, коротко взглянув на говорившего, сказал, после паузы:

– Что вы наделали... Спящая красавица на рабочем месте разорит хозяина и вылетит с работы.

Спящая красавица очнулась, закрыла рот, а потом неожиданно рассмеялась. Тут же нашлась:

– Не стройте мне куры. А вы не пугайте меня! – и, поправив причёску, строго добавила: У меня рабочий день.

– А у Вас словарь интересный. Вы из филологов?

– Я из простолюдинок, вышедших в филологи. Герценов-

ский.

– А я подумал – из математиков. Вы так ловко ведёте светский разговор, при этом чётко всё пробиваете и со сдачей не ошибаетесь.

– Что делать. Опыт уже имею немалый.

– Тогда Вам прямой путь на сцену.

– А, может, в школу вернётесь? Вот моя визитная карточка. В нашей школе литературная вакансия.

– О! Да мы тут с Вами боремся за сердце прекрасной дамы.

– Типа «По вечерам, над ресторанами...»?

– Ой, мальчики, не надо. Тут классик явно переусердствовал. Повторите и вслушайтесь в звукопись.

Мужчины смотрят друг на друга, повторяя в уме цитату. Потом дружно смеются.

– В школу. Конечно в школу. Дети в Вас будут души не чаять. Вы такая находчивая!

– Возражаю! В театр. Нет, конечно, сначала в студию.

– Смеётесь, что ли? В студию. Я Доронина, что ли, из фильма «Старшая сестра»?

– Мы оба сражены и убиты Вами наповал.

– Выбор за Вами.

– Решайтесь!

– В таких случаях девушки говорят: я должна подумать...

Ночь

– Пап! Пойдем?

Генка первым бежит к двери, выскакивает на тёмное крыльцо. Тёплая ночь стрекочет и поёт. Её густая темень, живая, вязкая и таинственная наполняет Генку радостью.

И вот он смотрит в небо на толстые цветные звезды. Некоторые звезды висят неподвижно, другие летают не останавливаясь.

– Пап! А почему светлячки похожи на спутников, а летают криво?

– Потому что светляки летят куда захотят, а спутники – куда их направляют люди.

– Потому что светлячки живые, а спутники железные?

– Во-первых, спутники не железные, а сделаны из специальных сплавов, в которых может быть и железо. Во-вторых, спутники имеют свою программу, они летают в безвоздушном пространстве. Они запущены с целью...

– Безвоздушном – это значит у них нет души?

– Безвоздушном – это значит, что там, где они летают, нет воздуха.

– Как же так: нет воздуха и нет души, а они зачем-то летают. Они за целью летают? Они должны в неё стрелять?

– Не обязательно стрелять. Они могут следить за ней, изучать.

– Значит, светлячки глупые и ничего не изучают?

– Они живые. Они летят на запах. Они как бы все понимают через запах. Как будто в них заложена такая программа ...

– Они видят носом?

– Носом?.. Да, примерно так.

– А программу кто в них заложил – человек или Бог?

– Видимо, Бог.

– Значит, человек – Бог для спутников?

– Считай что так. Смотри, звезда упала...

– Её сбил спутник?

– Нет, когда говорят «звезда упала» – это образно так выражаются. На самом деле это камень на землю упал.

– А в камень кто программу заложил – человек или Бог.

– Трудно сказать...

– Значит, у камня была цель? Он попал в кого-нибудь?

– Он сгорел в атмосфере.

– Откуда ты знаешь? Может, он не сгорел, а попал в кого-то? У него же программа есть и цель намеченная.

– Успокойся. Ни в кого он не попал. И вообще зафилософствовались мы. Да и руки у меня скоро отвалятся...

Отец ставит Генку на крыльцо.

Ночь провожает их стрекотом, жужжанием и мерцающим светом.

Бог, улыбаясь, смотрит на них.

Мумия

Действующие лица:

Гардеробищица Валентина Феофановна

Охранник Коля или Василич

Завхоз Николай Петрович или Завхоз Петрович, очень старьй, но бодрьй

Мужчина средних лет

Мумия, как выясняется молодая жєнщина

Сцена 1

Вход в музей. Вестибюль. Барьер охраны.

Утро рабочего дня.

Завхоз Петрович: Ну, пора открываться. Давай, Коля.

Охранник Василич открывает дверь.

Василич: Извольте. Вон, и Мумия как всегда пунктуальна.

Входит жєнщина неопределённого возраста, в длинном плаще, в нахлобученной шапке. Не глядя по сторонам, проходит мимо.

Василич: Мумия, она и есть Мумия. Ходит на работу. Не разговаривает. Мне даже приснилась недавно. Проходит в

свой кабинет и ложится под стекло. Вечером уходит. И на обед не поднимается...

Гардеробщица: Что ты за ужасы, Коля рассказываешь!

Василич: Это разве ужасы... Вот, в молодости, я был в банде. Не настоящей, а музыкальной. Так мы, по дурости, пытались продать свои скелеты. Звонили в скорую, в справочное. Интересовались, как это можно юридически оформить. Нам нужны были наличные деньги, чтобы усилители для гитар купить. Ну, нас, конечно, всюду посылали подальше. Обещали даже в милицию сообщить. Но до сих пор мне не по себе. Идиоты. Добавить больше нечего. Вот это – ужас.

Николай Петрович, а вы не знаете, скелеты в школах, в кабинетах биологии настоящие были? Сейчас-то, я слышал, на 3D принтерах делают. А вот раньше? Я всегда думал, что настоящие. Всегда было не по себе в кабинете биологии.

Завхоз: Не задумывался.

Гардеробщица: У тебя ещё это не прошло, Коля?

Василич: Что *это*?

Гардеробщица: Моча из головы не вылилась ещё? Вместе со скелетами?

Василич: Ох, ох!.. Вылилась. А вот скелеты застряли. И на тебя глядят всеми дырками.

Гардеробщица: Вот я и говорю, что моча из головы не вся ещё вылилась... Что ты нам сны свои дурацкие пересказываешь? О Мумии размечтался?

Завхоз: Ну, будет, будет вам. Опять начинаете. Готовьтесь,

сейчас школьники придут. Слышите?

Звонкие вопли, весёлые голоса.

Сцена 2

Там же. Охранник Василич. (Обращается к вошедшему мужчине средних лет): — Вы куда?

Мужчина: — Скажите, школьники уже вошли? Идет экскурсия?

Василич: — Да.

Мужчина: — Давно?

Василич: — Да уж минут двадцать.

Мужчина: — О, тогда я подожду внучку, посижу здесь, на диване.

Василич: — Сидите, ждите.

Входит полная женщина, пожилая, с сумкой на колесиках.

Василич: — Вы в музей?

Женщина: — Да.

Василич: — Вот касса. Пройдите.

Женщина осматривается, не спеша проходит к кассе. Покупает билет.

Женщина: — А сумку сдать куда?

Василич: — Да в гардероб.

Гардероб

Гардеробщица: — Я не могу поставить вашу сумку. Я уже

падала здесь, за один такой багаж зацепившись. Это негабаритный предмет.

Женщина: – Это не предмет, а сумка на колёсиках. А куда мне её поставить?

Гардеробщица: – А у охранника.

Василич: – У меня нельзя. Меня проверить могут. Спросят: что за сумка? Что в сумке? А откуда я знаю что! Может быть, бомба там.

Женщина: – Нет у меня бомбы там. У меня там куртка.

Мужчина: – Правильно. После недавнего взрыва положено проверять.

Женщина: – Ещё один выискался! Бдительный. Проверяльщик! Чего не сидится?

Мужчина: – Хочу выйти из этого сейфа в целости и сохранности. И внучку увести.

Василич: – Не похоже, что одна куртка. Вы её так ворочаете, что можно подумать, что там бомба. Да не одна. Может, бомбы ваши в куртку завёрнуты.

Женщина: – Я могу показать...

Василич: – Я не имею права досматривать ваши вещи.

Женщина: – Но я-то имею право показывать их кому угодно. Я даже себя могу показать, если захочу. (*Начинает растёгивать кофту*).

Гардеробщица: – Покажите, он обрадуется.

Василич: – Не надо. Здесь не публичный дом.

Женщина: – Как это не публичный, если вы публично

оскорбляете меня своим недоверием. (*Начинает расстёгивать рубашку на животе*) Вот глядите. Нету на мне пояса смертницы. И вот здесь тоже нету. (*Хлопает себя по бёдрам*) Здесь у меня собственное добро. И здесь. Дальше показывать?

Василич: – (*миролюбиво*). Ладно, дальше не надо. Ставьте сумку вашу около загородки, в уголок. Пусть стоит пока.

Мужчина: – Она телом вас отвлекает. А сумка? Тяжелая и подозрительная.

Женщина: – У меня там не бомба, а картошка. С рынка я иду. Хожу всё время мимо, а что за музей у вас не знаю. Решила проинспектировать. Наверняка гадость какая-нибудь есть, Матильду вашу на вынос! Ведь недаром боитесь, что взорвать могут.

Василич: – Не ругайтесь, пожалуйста. Мы ведь люди маленькие. Что там выставлено от нас не зависит. Есть там органы кое-какие напоказ, но, говорят, выставлены на обозрение, чтобы наглядно болезни показать, предостеречь население. Вот школьники сейчас рассматривают, учатся гигиене.

Женщина: – (*Смотрит подозрительно, качает головой*). Видно, правильно я подозревала. Всё. Пошла глядеть. А вы тут приглядите за сумкой. (*Пристально и презрительно оглядывает ждущего мужчину Уходит. Потом выглядывает из дверей.*) Где тут начала осмотра?

Василич: – Не в эту, в ту дверь.

Ж. Вот. Придираетесь к человеку, вместо того, чтобы сра-

зу подсказать. Музейщики...

После паузы.

О. По-моему у неё с головой что-то.

Г. А ты хочешь, чтобы у неё с другим местом было что-то не так? *Смеётся.* Ты бы не об этом думал, а о том, что надо вот этот подлокотник у дивана закрепить. Скажи, вон, Завхозу Петровичу, как раз он идёт.

Из дверей выходит очень пожилой человек, Завхоз Петрович.

Завхоз Петрович: – Ну, что? Готовы на подвиг? Я как на фронте в своё время всех мобилизую, при прорыве врага к штабу. Всем писарям, телефонистам взять оружие, идти оборонять штаб! Стулья скоро привезут. Надо машину разгружать.

Гардеробщица: – А куда стулья-то? Везде, вроде, есть.

Завхоз: – Как везде? Забыла? Со второго-то отдали, деревянные, увезли на прошлой неделе. Теперь привезут железные.

Гардеробщица: – Ну-у? Красивые ведь стулья были. Старинные. И крепкие.

Завхоз: – Да, красивые. Потому и увезли, что красивые и крепкие. Срок им вышел, говорят. Но это не наше дело. На царское теперь спрос особый... Говорят, принц какой-то подрастает. Скоро водружать начнут. Трон и стулья уже приготовлены.

Гардеробщица: – Я не могу. Я на посту. Вон, школьники

скоро выйдут. (*Доносятся звонкие голоса.*)

Василич: – Вот ты отлыниваешь, а сама спинку дивана сломала. Гляди, Петрович, спинка требует ремонта. Валентина посидела тут и сломала.

Гардеробщица: – Ты что, с ума сошёл? Не ломала я, а показала, что отремонтировать надо. И не спинку, а подлокотник.

Василич: – Там отлынивает, тут не сознаётся... Ты ещё тот кадр, Валентина!

Гардеробщица: – Смотри у меня, часовой, дошутишься. Подвешу тебя на вешалку, вместо номерка, а номерок жене твоей отдам с запиской, как теперь говорят – с компроматом. Пусть разбирается с твоими фокусами.

Василич: – Ну, что ты, Валентина Феофановна, взъелась на меня. Уж и пошутить нельзя. Ведь у каждого есть свой компромат...

Фыркнув, Валентина уходит на рабочее место.

Возвращается. Помедлив.

Гардеробщица. Слушай, Василич... Растолкуй-ка мне лучше: к чему мумия снится? Ведь мне тоже приснилась. Уже два раза. Снится, и никак не уходит. И всё силится сказать что-то. А потом заплакала.

Василич. Это твой компромат пришёл о себе напомнить.

Гардеробщица – Да брось шутить! Страшно же. А вдруг опять придёт. Что ей сказать? Надо ведь что-то сказать-то. Утешить как-то надо. А то так и будет ходить.

Василич: – А мумия нумерованная?

Гардеробщица: – Откуда я знаю?

Василич: – Из нашей экспозиции, спрашиваю?

Гардеробщица: – Да не из экспозиции! А сотрудница. Из нашего отдела раритетов. Она ж и тебе приходила.

Василич: – Ишь ты! Тут надо подумать. До следующей смены.

Гардеробщица: – А не можешь побыстрее подумать? Очень уж любопытно. И страшно.

Василич: – Быстрая какая... Это такое дело... *Смотрит вверх, а рукой показывает вниз.*

Гардеробщица: – Ну, подумай, давай. А я тебе маленькую поднесу. Ладно?

Охранник разводит руками, соглашаясь.

Сцена 2

Там же. Сходятся те же трое.

Василич: – А всё-таки вредная у нас тут работа. Тебе вот Мумия приснилась, а мне каждого теперь глазами обшупывать надо. Обещали рамки поставить, а пока так. Особенно женщины болезненно реагируют.

Гардеробщица: – Видела, как реагируют. Одна, помню, несколько раз приходила в музей. А потом сговаривалась с тобой о чем-то...

Василич: – У тебя одно на уме. Компроматка ты глупая. Женщины некоторые фыркают. А некоторым, правда твоя, приятно. Одинокие, видно. Или мужья пьяницы. Не хватает внимания.

Гардеробщица: – Твоего.

Василич: – Валька! Я вот морочился с твоей мумией, разгадывал... А ты хамишь. Не скажу ничего!

Гардеробщица: – Ну, полно, Васильевушка, не обижайся. Эта вредность от волнения. Вдруг придёт опять.

Василич: – Идёт!

Г. Отскакивает. Оглядывается испуганно. Где?!

Мимо проходит замотанная в шарф женщина. Худая и резкая. Бросает короткий взгляд на испуганную Гардеробщицу.

Василич: – Спокойно, подруга. Ходит, то к тебе, то ко мне. Спать некогда. Вот и опаздывает. Кстати, в первый раз опоздала.

Гардеробщица: – Ох, напугала... Ну, рассказывай, чего надумал?

Василич: – Так и быть.

Она обеспокоена не тобой. И грызть тебя или утащить никуда не собирается. Её волнуют политические катаклизмы. Она задумалась над судьбой вождя пролетариата. И не находит себе места из-за этого. Что-то в ней есть неустоявшееся. Идеологически. Наверно она боится новой революции из-за выноса тела из Мавзолея. Она, мне рассказывали, ещё архи-

текстурой увлекается. Боится, наверно, что Мавзолей разрушат. А он находится под охраной Юнеско.

Гардеробщица: – Врёшь, наверно? Это ты на ходу выдумал, да? А я тут причём?

Василич: – Нет. Вчера полдня думал. Даже позвонил приятелю. У него лицензия телепата.

Гардеробщица: – Телепа-а-та. Тоже мне профессия.

Василич: – Эх, ты, Фомиха неверующая! В государственном реестре даже есть! К нему даже министры обращаются. Спрашивают, что будет после выборов. Он им разъясняет. Хорошо платят. Говорят, сбываются его предсказания.

Гардеробщица: – Так, что с моей-то мумией делать? Что ей сказать?

Василич: – Ты, видно, у неё коммуникатор связи с тем светом. Такое случается. Необъяснимо наукой. Ты должна ей сказать, чтобы не беспокоилась. Что ты через меня связалась с кем надо, там и там. *(Показывает вверх и вниз.)* Что тело пока не тронут. Пока мы все не выйдем, которые помнят ту жизнь. И потом уже не тронут. Время упустили до столетия революции. В 90-е могли. Короче, в Мавзолее наступит примирение раньше, чем тут, у нас. Его потеснят. И наполнят другими царями. Кого-то привезут из Петропавловской крепости. Кого-то откуда-нибудь выроют и тоже для компании всунут. Так что архитектурный комплекс Красной площади сохранится в целости и сохранности.

Гардеробщица: – А нельзя ли ей здесь, прямо на работе

сказать об этом? Чтобы больше не приходила ночью?

Василич: – Нельзя связь нарушать. Нарушишь какое-нибудь звено в этой цепи, и всё пойдёт наперекосяк. Чертовщина какая-нибудь вылезет. Например, Жириновский станет диктатором. Или в Москва-реке крокодилы заведутся. Или вулкан какой-нибудь взорвётся.

Гардеробщица: – Не обрадовал ты меня, Василич. Да уж ладно, держи. (*Оглядывается. Суёт бутылку.*)

Придётся тоже на ночь дёрнуть сто граммов. Хотя я и за здоровый образ жизни. А там, глядишь, и побеседуем с ней мирно. Успокою её твоим пророчеством.

Сцена 3

Там же.

Входит Гардеробщица.

Гардеробщица. (*Взволнованно*) Приходила, Василич!

Василич: – (*Солидно, покровительственно*) Неужели? Впервые, здороваться надо.

Гардеробщица: – Ой не до здоровканья! Ужас. Ещё страшнее было. Явилось это привидение. Глаза запавшие. И вроде как запах от неё жуткий такой. Но не покойницкий. Нечеловеческий какой-то.

Василич: – Ну, и чего ты ей наплела? По глазам вижу, что лишнего наболтала. Давай, вываливай.

Гардеробщица: – Чего там наплетёшь... Смотрю на неё. В голос кричу! А голоса-то нет. Ну, как во сне часто бывает. А она всё ближе и ближе. Взяла меня за руку. А пальцы у неё холодные и костлявые. Я уж подумала, что вместо неё смерть моя пришла.

Постояли мы. Пригляделись друг к дружке. У меня душа в хвост ушла. Да, в хвост. Чувствую, что он у меня вырос будто. А она вдруг хихикнула. Так хихикнула, что я почти уже на том свете очутилась. Ну, думаю, сейчас на сковородку бросит!

Потом вспомнила я твои слова, уж не знаю, как вспомнила. Зашептала про тело вождя, про будущее. А она будто оттаивает. И глаза по-человечески засверкали. И рука нагрелась. Даже горячей стала. Потом отпустила мою руку-то, повернулась и пошла уверенно. Потом повернулась и пальцем погрозила: «Не вздумай молитвы тут ещё читать! Я явление материалистическое. Наукой приоткрытое. Через год учёные сообщат об открытии параллельного мира. Жди сообщений. Спи теперь спокойно, подруга». Ещё страшней мне стало. Так желают спать спокойно покойницам. Но ведь сказала она «теперь». Поэтому я успокоилась. Значит, не придёт больше.

Василич: – А хвост-то где? *Пытается пощупать хвост. Но... Оба вскрикивают.)*

Открывается дверь. Входит Мумия. Это молодая красивая женщина, изящно закутанная в длинный модный шарф. Здоровается. Улыбаясь, проходит мимо. Пройдя, оглядыва-

ется. Чуть приподнимает руку, делает ею круг, изображая лёгкое смущение. Скрывается в дверях.

Немая сцена.

О. А запах-то от неё французский. Как от моей дочки. Парфюмерный. Не помню, как называется. Но запоминается.

Трамвайные разговоры

Действующие лица:

Разговорчивый

Мрачный

Василий

Николай

Пассажир

Старушка

Кондуктор

Разговорчивый: — Давно трамвай ждёте?

Мрачный: — Порядком.

Разговорчивый: — Наверно, обедает.

Мрачный: — Лошадь кормит... Эх, на велосипед бы пересесть. Но самое верное — на автомобиль.

Разговорчивый: — Да, неплохо. Упакованы сто лошадок в моторчик. Гони себе и гони.

Мрачный: — Пока не упрёшься, как шампанское в пробку.

Разговорчивый: — Это да. Опасность подстерегает на каждом километре. А без автомобиля я ведь друзей теряю. У них у всех автомобили, а я нет-нет да подвезти попрошу. Прошу подвезти и чувствую, как у друга холодок стальной в

голосе прорезается, а глаза становятся белые такие.

Я сначала даже себе не поверил и стал опыты проводить. То одного друга попрошу подвезти, то другого.

Ладно, когда на близкое расстояние прошу. В этом случае друзья даже гордятся таким своим подвигом. Снисходят, получая удовольствие. А вот когда куда подальше попрошу, тогда беда наступает, даже если по пути нам. Оказываюсь в этом далёко почти мгновенно.

Стал я анализировать поступки друзей и своё поведение. И всё понял.

Ведь им приходится терпеть меня всю долгую дорогу. Терпеть мои запахи, разговоры. А разговоры у меня всё время какие-то вредные получаются. То недовольство высказываю социальным положением, то составляю свои проекты переустройства общества, то правду вдруг начинаю говорить.

Они, эти планы, часто ведь какими-нибудь фруктовыми оказываются. Всегда слаще получаются, чем жизненный оригинал. Я это чувствую. И вдруг начинаю говорить уже голую правду. А на голое тело всегда реакция, знаете, сильная такая получается. Непроизвольная.

Мрачный: — *(Вздыхает)* Это да. Тело есть тело...

Мрачный: – Хорошо, что павильоны с лавками поставили на остановках. Посидеть можно. *(Садится)*

Разговорчивый нервно ходит.

Мрачный: — Да не мельтеши ты... Сядь.

Разговорчивый: — Не могу сидеть. Волнуюсь!

Мрачный: — Зря. О! Конец дебатам – подана развозка!

Нас лошадь ждёт, товарищ Правда!

Звук трамвая.

Входят в трамвай.

В кресле сидит Василий, входит Николай, потом Пассажир 2 и Пассажир 3

Николай: — О! Василий! Какими судьбами?

Кондуктор: — Следующая остановка Мальцевский рынок!

Василий: — Здорово, Колька! Вообще-то я этим маршрутом езжу почти сорок лет. В техникум, потом на работу. Помнишь, тогда здесь ходил «семнадцатый»? А вот здесь, у больницы Раухфуса, росли громадные тополя. И дальше, там, где сейчас «Октябрьский», была Греческая церковь.

Николай: — Конечно, помню. Я у Московского вокзала садился на «четверку», когда учился на Васильевском. И помню, как ломали эту церковь. Пацаном был, радовался, интересно было, что здесь новое построят.

Её несколько недель шаром разбивали. Но мне как-то жалко было. Церковь небольшая была, зато площадь казалась большой. Теперь «Октябрьский» огромный, а площади нет. *(Показывает фигу)*

Василий: — Да, крепкая была церковь. Бьют-бьют шаром, а только осколки летят да пыль красная поднимается.

Это при Никите, кажется, было?

Разговорчивый: — По-моему уже при Брежневе. Никиту только сковырнули.

Николай: — А Лёня бойкий тогда был, шустрый, говорливый.

Василий: — Что ты! Это он уже на восьмом десятке сдал, после осложнения гриппозного. И космонавтов, как и Никита, любил встречать.

Музыка. Звук трамвая.

КОНДУКТОР: — Остановка БКЗ Октябрьский!

Входит старушка с большой сумкой

Пассжир 1: — А я вот в этот гастронорм с бабушкой ходил, она кусковой сахар любила. Покупала только здесь почему-то. Большие такие куски, красивые, таяли медленно... Глянь-ка, вон тоже бабуся вошла. Садись, бабушка, отдохни.

Старушка: — Спасибо, милый! — *Бабушка усаживается, пристраивает сумку.* — Мне ехать-то недалеко. — *Вздыхает.* — А редко теперь бабкам места-то уступают, у-у редко. То на ушах наушники, то в окошко глядят, то хихикают меж собой. Да, уж Бог с ними, может, кто и вправду усталый, жизнь-то нынче тяжелая. Пусть уж лучше сидят, отдыхают.

Пассжир: — У меня, бабуся, свой, такой же — без царя в

голове. Учебу бросил, хорошо хоть работать пошел кладовщиком на складе каком-то паршивом. Дома вот врубит музыку в двенадцать ночи, скажешь: соседей хоть бы пожалел, если нас не жалеешь. Теперь, вон, и оштрафовать могут, если пожалуются. Раз уже приходили. А он: «Я люблю громкую музыку». Короче, как об стенку горох...

Старушка: — А у меня внучок толковый. Учится хорошо, чего попросишь – сделает. Старухе много ли надо-то? И я ему стараюсь угодить. Может, хоть память о себе хорошую оставлю, вспомнит бабку.

Василий: — Я вот свою вторую бабку ни разу не видел. Думал, что ее и не было никогда. Потом уже узнал, что жила на Орловщине. До нас так и не доехала, и мы почему-то у нее не бывали.

Старушка: – Ничего, милый. Ты поставь в церкви свечечки за упокой. Тебе будет легче, и она порадуется.

Мужчины глядят друг на друга, улыбаются.

Василий: — Может, и правда поставлю. Спасибо за совет, бабуля.

Старушка: – Поставь-поставь. Глядишь, Господь и смилостивится.

Разговор прерывался. Трамвай стал притормаживать.

КОНДУКТОР: — Московский вокзал!

Николай: — Я смотрю, ты подарок кому-то купил?

Пассажир 3: – Да. Долго выбирал! Вот, ноутбук дочке

Пассажир: — А я никак не могу придумать, что своему

купить... Чего у него только нет... А всё равно надо обалдуя порадовать.

Я вот смотрю на трамваи, автобусы размалеванные: выби-рай, что хочешь – рекламы, рекламы, рекламы. Сначала нра-вилось, а теперь глаза отдохнуть хотят. Везде пестрит, осо-бенно в центре! А так, вроде, как у людей, говорят, стало. Цивилизованная жизнь...

Мрачный: — Да ну их, знаешь куда! Я уж о рекламе не говорю. Начнешь расстраиваться, покой потеряешь. А тут еще на работе нелады, зарплату задерживают, дома ка-кие-нибудь фокусы... (**снимает очки**) И ничего не можешь поделать. Н-да...

Николай: — Ого! Это что же, твоя тебя что ли?

Старушка: – Господи! (*Крестится*)

Прохожий 2: – Наполовину...

Пассажир 1: – На какую ещё половину?

Мрачный. – Еду я в электричке. Вдруг объявление: “Впе-реди жёлтый светофор”. Ну, жёлтый и жёлтый... Для чего нам-то об этом знать? Вдруг объявляют: “Проверка тормо-зов!” И бабах! – резко тормозят. Визг, скрипение, паника, на голову падает рюкзак, в лицо упирается сидение. Короче, фонарь под глазом, шишка на лбу. У кого-то, может, еще по-хуже, но мне от этого легче только отчасти. Сам-то получил в глазность и был свободно проинформирован рюкзаком.

Прихожу домой, включаю телевизор. “Проверка кошель-

ков, – говорят, – вытряхивайте ваши денежки!” Как исправный налогоплательщик, достаю кошелек, вытряхиваю денежки в помойное ведро. Ведро выношу в мусоропровод. А те, которые в банке, выбрасываю в окошко. Живу дальше.

Приходит домой жена, видит фонарь под глазом. “Ну и ну, – говорит, – вот тебе в утешение проверка на реакцию!” И кидает в меня гранат. Гранат попадает в глаз.

– Ай, милый, прости, я хотела только утешить. Но зато у нас теперь два фонаря на двоих! И ещё смеётся.

– Здорово у тебя получилось, – отвечаю.

– А знаешь, милый, нам на работе сказали, что завтра приезжают инопланетяне и чтобы мы были готовы.

– Здорово, – отвечаю, – повезло вам. Не удивлюсь, если сейчас они войдут сюда и предложат тебе покататься на тарелке.

– А ты откуда знаешь? С тобой даже неинтересно. Действительно, вон они в окошке висят. Они только просили захватить с собой хоть один цветок, чтобы в тарелку поставить.

Чушь, конечно, но она мне вообще-то обычно не врёт.

– Так я пойду, милый?

– Иди, только не бери столетник, возьми финик. Так представительнее будет.

Проверив мою реакцию, пошла, покачивая фиником. А он тяжеленный, зараза. Наверняка тарелку завалит.

Проверка будет на грузоподъемность этой посудыны...

Старушка: — Инопланетяне, это что же на самом деле

есть?

Мрачный: — Есть бабуля... Не веришь?

Старушка: — Я, Соколик, верю в то, что сама проверила... В Бога верю!

Пассажир: — А как ты, бабушка, Бога-то проверила?

Звук трамвая

КОНДУКТОР: — Остановка Кузнечный переулок. Вот, блин! Опять пробка!

Старушка. — *(Огладывает всех)* Когда я покалечилась в колхозе — упала с копны на камни — брат прислал мне телеграмму: мол, приезжай, живи у нас, сестра Анна тебя привезет, я уже ей написал.

Приехала Анна с мужем, забрали меня, привезли к брату. Врачам показали. А врачи говорят: «Ты сначала вылечи главную свою болезнь, тогда мы будем тебе ноги лечить». А нашли они у меня рак желудка. Направили в областную больницу. Там говорят: «Сдавай анализы. Будем резать». А мне неохота, чтобы меня резали.

Сдала анализы, назначили день операции. Брат говорит: «Что делать, — ложись».

Взяла я сумку, поехала. А не хочется, чтобы резали. Ну, думаю, зарежут! Пришла. «Готовься, бабуля», — говорят. Принесли ножи, вилки, салфетки. «Готовься, скоро сюда залезешь». И показывают на стол. Страшно мне стало. Я им и говорю: «Ой, живот болит! Схватила за живот. — Ой, в

уборную хочу! Где она тут у вас?»

– Иди, вон, возле лестницы.

Схватила я сумку.

– Куда ты сумку-то? – спрашивают.

– А-а, вы думаете, я вам свою сумку с деньгами оставлю? – догадалась чего сказать-то!

Побежала на лестницу, потом вниз, скорей, скорей! А они все тоже выбежали на лестницу, стоят, человек семь, и сверху кричат:

– Вернись! Вернись! Потом будешь проситься, не возьмем!

А я им машу рукой-то:

– Потом я, потом...

– Потом не возьмем. Вернись!..

– Я потом, потом...

Выскочила я. Ну, думаю, надо молебен в Лавре заказать. Села на троллейбус, а он до Лавры-то не едет. Доехали до Невского. Хочу пересесть на «семерку». А народу-то много, тьма народу. Я в переднюю дверь, а меня какой-то парень не пускает:

– Куда ты, бабушка, – вон сколько народу!

А парень такой симпатичный и пиджачок на нем коротенький, не пускает и все.

– Пусти! Мне в Лавру надо! Мне сорокоуст заказать!

– Да закрыта Лавра-то!

– А ты кто такой?

– Да я староста там!

– Врешь!

– Да не вру, вот ключи у меня в сумке!

А сумка у него маленькая такая, на животе. Показывает ключи.

– Чего ты так рано закрыл-то? Еще второй час всего!

– Да в монастырь мне надо. Матери молебен заказать. Давай и тебя запишу.

– Я тебе деньги-то вперед не дам. А ну как обманешь!

– Ладно, деньги потом отдашь.

– Отдам-отдам. Как звать-то тебя?

– Записывай: Николаев Петр Николаевич. Спросишь, там знают.

– Найду, милый, дай тебе Бог здоровья.

– И тебе, бабуся, дай Бог.

Приезжаю в Лавру на второй день. Спрашиваю, не знают такого.

– Да вы посмотрите в своей книге, может, там он есть, не может не быть. Он сам мне сказал: Николаев Петр Николаевич.

– Нету, бабушка, у нас такого.

– Ну, что вы не хотите посмотреть. Должен он быть!

– А-а, так тебе, наверно, в академию надо пойти. Он там, наверно, работает.

– Где же эта Академия? Как туда пройти?

– Выйдешь, – отвечают, – пройдешь налево через дворы

и потом направо повернешь. Там и Академия.

Прихожу в Академию. Спрашиваю. И там такого не знают!

– Да не может быть! – говорю.

Они же опять:

– Нету! Нет у нас такого!

А рядом мужчина стоял, слушал меня. Я ему рассказала все, как было. Он священником оказался, только без облачения, в простой одежде. Пошел куда-то, приносит икону. Спрашивает:

– Он?!

Смотрю:

– Он! Он, батюшка!

А это, оказалось. Целитель Пантелеймон был!

– Ну, теперь, – говорит батюшка, – ты должна пойти в Лавру и заказать сорокоуст.

Хотел он сказать, что на год должна заказать, да видит, что денег-то у меня столько нет. Заказать на четыре месяца велел.

Вот и отдала я долг Целителю Пантелеймону. А операцию так и не пришлось делать. Уж тридцать шесть лет с тех пор прошло, десятый десяток живу. Слава тебе, Господи! Слава тебе!

Вот так я проверила! Ох, батюшки! Чуть не проехала, дура старая!

Бабуля засутилась, схватила свою сумку и засеменила

к выходу.

Николай: — Смешная ... *Посмотрел в окно.* Ну, бывай. Телефон мой у тебя есть, адрес тоже. Звони, заходи. Да и Новый год, Рождество не за горами. Думай! Может, вспомним годы молодые...

Василий: – Что ж, может, и вспомним. Правда, надо подумать. Валентине привет и скажи, что за мной должок – бутылка шампанского. Карпов ведь тогда проиграл Каспарову... А жаль...

Николай: – Еще как жаль! Каспарову, наверно, ферзём в голову кто-то заехал и он на этом ферзе в политику сполз. Будь здоров!

Двери смыкаются. Трамвай идет дальше.

Разговорчивый подсаживается к Мрачному и продолжает свой рассказ.

Разговорчивый: — Так вот. Из-за неё, этой голой правды, даже автомобиль начинает трястись, или дорога становится горбатой и ребристой.

Привыкли ведь люди ездить на ровных шарикоподшипниках. А тряски и вибрации механизмам и людям противопоказаны.

А тут я усаживаюсь в автомобиль и начинаю работать вибростендом, вызывать непропорциональную душевному спокойствию тряску.

Начну, к примеру, про американцев, так некоторые начи-

нают даже коростой нервной покрываться – так им обидно про американцев такое слышать. Про китайцев заведу – желтизна на лицах возникает аномальная.

Разговорчивый: – (*То встаёт, то садится*) Один друг мой, после такой поездки, в баню перестал приглашать. Вернее, перестал обещать пригласить. Пока строил – приглашал. Построил – перестал приглашать.

Вызвал я себя на суд общественности и, как положено было раньше советскому человеку, пропесочил себя по всем статьям давно несуществующей Конституции. Вынес резолюцию о Беловежских во мне соглашениях. Так, мол, и так. Немедленно пересмотреть. Исправить. Войти в границы. Быть достойным.

Так вот. Стал я прислушиваться к происходящим во мне процессам, исходящим из пунктов резолюции.

Патриот во мне стал говорить о том, что документа по Беловежским соглашениям не сохранилось. Говорят, что в библиотеке американского Конгресса, возможно, можно найти, если запросить.

Внутренний либерал стал доказывать необратимость новой моей конституции. Она зависит от возраста, но не зависит от пола, которых теперь обнаружено – представьте! – уже целых пять! А скоро найдётся ещё парочка.

От такого внутреннего раздрая я чуть совсем не опупел и написал письмо батьке Лукашенке.

Кондуктор: — Обводный канал!

Разговорчивый: – Вот, мол, Батяка, стоит у меня на даче минский холодильник 1962 года рождения и работает хорошо. Правда, сильно морозит, потому что термopара в нём слиплась со временем, как наши народы слиплись в своём культурном единстве. Поэтому считаю, что наша дружба не помешает мне преодолеть внутренние противоречия и раздвоенность мою. Мол, все мы живём на острове Евразия. Наш общий рынок победит и происки Збигнева Бжезинского (его корни, между прочим, тоже на нашем острове остались) и иных недружественных академиков и сольются в один хороший гимн человеческой цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.